

МОЯ ВСЕЛЕННАЯ – МОСКВА

ЮРИЙ ПОЛЯКОВ:

Личность

Творчество

Поэтика

Словом твоим, о великая,
Лету неведущая моя
Твой неведомый Тарар

Коллектив авторов

**Моя вселенная – Москва».
Юрий Поляков: личность,
творчество, поэтика**

«У Никитских ворот»

2014

УДК 82.09
ББК 94.3-83.3(2Рос=Рус)6

Коллектив авторов

Моя вселенная – Москва». Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика / Коллектив авторов — «У Никитских ворот», 2014

ISBN 978-5-91366-943-8

Книга «Моя вселенная – Москва» посвящена творчеству выдающегося современного писателя, коренного москвича Юрия Полякова и приурочена к 60-летию со дня его рождения. Сборник включает в себя академические научные работы, раскрывающие основные проблемы поэтики Ю. Полякова, оригинальные мнения известных писателей и литературоведов о нём, заинтересованные критические исследования. Весь корпус текстов издания построен на московской культурной парадигме и отражает художественный мир не только столичного русского писателя, но и объёмнее – последних четырёх переломных десятилетий отечественной истории.

УДК 82.09
ББК 94.3-83.3(2Рос=Рус)6

ISBN 978-5-91366-943-8

© Коллектив авторов, 2014
© У Никитских ворот, 2014

Содержание

Личность	6
Лариса Васильева	6
Вера Галактионова	12
Александр Проханов	16
Владимир Личутин	17
Юрий Козлов	24
Владимир Ерёменко	30
Конец ознакомительного фрагмента.	35

«Моя вселенная – Москва». Юрий Поляков: личность, творчество, поэтика

© Коллектив авторов, 2014

© «Литературная газета», 2014

© Оформление ИПО «У Никитских ворот», 2014

* * *

Личность

Лариса Васильева Во здравие!

Заметный признак наступающей весны XX века – появление в 1956 году поэтического ежегодника «День поэзии». Он сразу стал популярным среди читателей и писателей. Главный редактор избирался на один год голосованием в секции поэзии Москвы. Рукописей слали множество. С каждым годом всё больше.

Прошло более 20 лет. И в 1978 году председатель секции поэзии Владимир Цыбин при выборе главного редактора «Дня поэзии» сказал:

– Среди главных редакторов альманаха до сих пор не было ни одной женщины. Непорядок. У нас равноправие. Предлагаю... (и назвал моё имя). Также предлагаю её сроком на два года. В порядке исключения. Справится.

Проголосовали дружно. Так попала я на литературные «галеры» и сразу решила, что буду многое в альманахе делать в порядке исключения. Изучила предыдущие номера. Отметила: ни разу «День поэзии» не начинался большими подборками молодых поэтов, никогда нигде прежде не публиковавшихся. Очень разных. Исключительных по манерам. И если в 1979 году их подборки я поставила почти в начале номера, то в 1980-м начала альманах прямо с молодых. Раздел назывался традиционно, пушкинской строкой: «Здравствуй, племя младое, незнакомое!»

Так впервые в альманахах «День поэзии» за 1978 и 1979 годы появились имена Геннадия Красникова, Татьяны Ребровой, Владимира Урусова, Ирины Васильковой, Ивана Жданова, Александра Ерёмченко, Григория Зобина, Владимира Ведякина, Михаила Попова, Натальи Хаткиной. Вызывающе откровенные в лирико-эпических проявлениях. Дерзкие, но не переходящие границ элементарной нравственности.

Выбирала их из множества рукописей. И был среди них Юрий Поляков. Отлично помню, как взяла в руки его рукопись. Прочитала первое стихотворение.

Вдова

Она его не позабудет —
На эту память хватит сил.
Она до гроба помнить будет,
Как собирался, уходил,
Как похоронку получила
И не поверила сперва,
Как сердце к боли приучила,
Нашла утешные слова...
И на года, что вместе были,
Она взирает снизу ввысь...
А ведь уж как недружно жили,
Война – не то бы разошлись.

Дрожь – верный признак сильного впечатления. Всего три строфы, а передо мной открылась огромная жизнь и два сильных, разных, чужих, но неразделимых характера. Как будто роман прочитала. Такая романная поэзия встречается нечасто. Немногие могут в коротком стихотворении выразить эпоху. Анна Ахматова могла.

Течёт река неспешно по долине,
Многооконный на пригорье дом,
А мы живём, как при Екатерине.
Молебны служим. Урожая ждём.
Преодолев двухдневную разлуку,
К нам едет гость вдоль нивы золотой.
Целует бабушке в гостиную руку
И губы мне на лестнице крутой.

Думаю – в этих восьми строках вполне укладывается «Обрыв» И. А. Гончарова или «Дворянское гнездо» И. С. Тургенева.

Иван Бунин мог написать подробный любовный роман в восьми строках одного стихотворения.

Снова сон, пленительный и сладкий,
Снится мне и радостью пленит, —
Милый взор зовёт меня украдкой,
Ласковой улыбкою манит.
Знаю я – опять меня обманет
Этот сон при первом блеске дня,
Но пока печальный день настанет,
Улыбнись мне – обмани меня!

Ощущение романа в коротком стихотворении «Вдова» Юрий Поляков подкрепил другим стихотворением, присланным им в подборке для «Дня поэзии», где я почувствовала несомненное острое, совестливое чувство родины и ощущение долга перед поколением, прошедшим войну.

Ответ фронтовику

Не обожжённые сороковыми,
Сердцами вросшие в тишину, —
Конечно, мы смотрим глазами иными
На вашу большую войну.

Мы знаем по сбивчивым, трудным рассказам
О горьком победном пути,
Поэтому должен хотя бы наш разум
Дорогой страдания пройти.

И мы разобраться обязаны сами
В той боли, что мир перенёс.
...Конечно, мы смотрим иными глазами —

Такими же, полными слёз.

Разумеется, в подборке Полякова мне не хватало поэтичности, некой тайны, некой, я сказала бы, невыразимости словом некоего чувства. Но это был бы не Поляков. Впрочем, при первой встрече он восполнил нехватку романтики необыкновенно поэтичным внешним обликом: высокий, стройный, я бы даже сказала, поджарый, с копной тёмно-русых кучерявых волос, красавец! Тонкая нитка губ явно проявляла собой упрямство характера. Светлые глаза смотрели умно и насмешливо. На моё сообщение, что вижу в нём будущего прозаика, отреагировал спокойно, будто принял к сведению.

Не знаю, как назвать моё к нему неизменное отношение. В нём есть, с моей стороны, малопривлекательная для самолюбивых людей, а Поляков как раз такой, смесь придирчивой учительницы, подмечающей недостатки и указывающей на них, с матерью, гордой успехами сына.

Поляков с лихвой оправдал мой диагноз. Он стал не просто прозаиком, а сильным в своём поколении мастером. Вышел за пределы поколения. Сумел определиться во времени с мощным гражданским темпераментом. Боец, не предающий своих идеалов, как бы порой ни были они не ко двору конъюнктуре момента, притом умеет Поляков остро чувствовать именно эту конъюнктуру и противостоять ей.

Судьбе было угодно отправить меня вместе с ним в командировку на Сицилию. К тому времени Поляков был уже широко, и даже скандально, известным прозаиком. Автор популярного журнала «Юность», он прошумел публикацией произведений «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба», где, по мнению курирующих литературный процесс партийных чиновников, «осквернил нашу советскую действительность и возвёл поклёп на нашу Советскую армию». При этом время было такое, что чем искренней и честнее говорил прозаик о действительности, тем больший успех у читателей он получал. Как раз в то время, когда мы оказались у вулкана Этна, он переживал успех от публикации в «Юности» своей повести «Апофегей», само название которой в то время выглядело вызывающе: непонятно, завлекательно, вроде бы скабрёзно.

Наверно, я не буду абсолютно точна в деталях, ибо каждое воспоминание индивидуально, но дух момента постараюсь передать точно.

Имя пригородного посёлка под Катаньей было Ачерияле. Название отеля, где нас поселили, отражало имя хозяина: «Альфредо Мауджери».

Итальянские имена и названия для русского уха звучат певуче, завораживающе. Запоминаю их навсегда без особой надобности. Английский язык знаю много лучше, чем итальянский, но в нём часто имена и фамилии напрочь забываю. Думаю, Поляков со мной согласится, что итальянский и русский языки звучат похоже, хотя объяснения этому нет. Впрочем, в языкознании можно найти научное понимание сходства далёких друг от друга языков, но мне понятней простое, далёкое от науки объяснение: когда Божие Слово разлетелось по Земле, рассыпавшись на слова, словеса, словечки, то где-то рядом находившиеся созвучия оказались далеко одно от другого. И сегодня живут так, как живут в пределах и России, и Италии.

Это отступление от темы моего очерка тем не менее имеет к нему непосредственное отношение, и я даже готова выделить его в короткий рассказ с отдельным названием.

Кармелло

Этна – самый большой в Европе действующий вулкан. Я увидела из окна самолёта гигантскую чашу кратера, наполненную огнём, и ослепительную реку, вытекающую из кратера.

Нас было четверо. Один – известный в СССР специалист по итальянской литературе. Он сразу предупредил делегацию, что не будет нам переводить, потому что не является переводчиком, а сам есть литератор. Сделал, правда, исключение для главы делегации – одного из

секретарей Союза писателей. Эти двое были привилегированной частью группы. Командировочные деньги на поездку находились у главы делегации. Он сообщил, что раздаст их утром следующего дня, потому что сейчас вечер, а по старинной примете (я о ней прежде не слыхала) вечером лучше не оперировать с деньгами.

Вторая, непривилегированная часть делегации состояла из меня и Юрия Полякова.

Делегация сидела за ужином в ресторане гостиницы, разделившись на две части: мы с Поляковым – справа от прохода, а глава делегации с итальянистом – слева. Последний наслаждался тем, что находится в Италии (можно понять), что может в ресторане показать всем (кроме нас более никого не было) своё блистательное произношение, наконец, тем, что выбирает блюдо со звучным названием и понимает, какое во время еды получит удовольствие.

– Кармелло, Кармелло, – распевал наш итальянист имя официанта и долго, скрупулёзно объяснял ему, что будет заказывать, меняя решения, капризная, отказываясь от заказанного блюда, вновь выбирая.

Он явно раздражал пожилого официанта с лицом усталой птицы. Официант явно предпочитал меня и Полякова. А мы сидели без копейки и оба были изрядно голодны.

Я ползала взглядом по меню. Наконец выбрала самые дешёвые бутерброды с сыром. Но и на них не было денег.

Сделать пять шагов к руководителю делегации мы с Поляковым считали ниже своего достоинства, неизвестно, впрочем, почему. Юрий ворчливо сказал:

– Глупо. Если бы я имел возможность свободно менять рубли на местную валюту, то накормил бы ужином весь городок.

В Москве он был при деньгах.

– Кармелло, Кармелло, – заливался соловьём советский итальянист и вновь, и вновь менял заказ.

Кармелло оставался невозмутимым, выражая раздражение лишь неторопливостью, с которой подходил к их столику. Когда Кармелло, через мой английский, понял, что мы с Поляковым сидим без денег, он почему-то широко улыбнулся мне. Улыбка сделала его унылое лицо почти прекрасным. Он быстро отошёл от нас и через несколько минут, ещё не обслужив наших привилегированных спутников, принёс нам с Поляковым по огромному блюду, где была знаменитая итальянская паста со множеством моллюсков всех видов, с диковинными овощами, и отдельно хлебные лепёшки, а также бутылку белого вина со звучным названием «Belissimo».

Поляков, поджав губы, удивлённо смотрел в свою роскошную тарелку и не рисковал начинать. Я тоже не рисковала. Кармелло захотел всё поставить на свои места. Он наклонился ко мне и внятно, чётко, но специально для меня, сказал по-английски:

– Ваш ужин я включил в презент гостям от хозяина за то, что вы выбрали его отель. У нас в ресторане старший официант имеет право раз в неделю определять, кому из гостей он отдаёт бесплатную привилегию. Я выбрал вас. Приятного аппетита.

Быстро объяснила я Полякову появление блюд. Он ещё быстрее понял всё. И вот уже мы чокаемся белым вином, не слушая глухого ворчания возмущённого итальяниста, всё ещё ожидающего своего блюда.

По сей день мы с Поляковым помним имя и лицо старшего официанта Кармелло.

Тонкий народ итальянцы. Особенно сицилийцы.

А теперь несколько строк на главную тему моего очерка: Юрию Михайловичу Полякову – 60 лет. Возраст вроде бы серьёзный, но смотря для чего возраст. В сравнении с моими годами – Полякову ещё многое предстоит.

Он сложный, но не противоречивый, последовательный во мнениях.

Увлекающийся, как поэтическая натура, но постоянный – в серьёзных чувствах.

Прозорлив, но может быть легко обманут лестью случайной ловкой сотрудницы, имеющей свои служебные интересы.

Искренен, смел, открыт навстречу всему, что ждёт его в действительности.

Проза и драматургия Полякова сегодня ни с чьей современной не сравнима в мастерстве и таланте: как говорится, между строк воды не выжать, всё густо.

Остаётся пожелать ему одного – здоровья во всех трёх ипостасях:

физического,

душевного,

духовного.

Постскриптум

Эффектное слово. Модное. В словаре иностранных слов определяется как перевод с латыни: «написанное после», а также как приписка к оконченному письму, обычно обозначаемая латинскими буквами P. S.

Сегодня это слово сильно расширило свои границы, и припиской его не назовёшь. Даже популярная телепередача, названная «Постскриптум», вроде бы отражает своего рода послесловие к каждому из событий, развивающихся на экране, а реально – вполне отдельное самостоятельное телепроизведение.

Назвав так главу в очерке о творчестве Юрия Полякова, задумала я определить написанное этим писателем в круге всей русско-советской литературы. Сегодня критические статьи не слишком заметный жанр. В пору моей юности всё было иначе. «Литературная газета», которую ныне возглавляет Поляков, до краёв переполнялась критическими статьями, где было мало критики, но много комплиментарных сочинений по поводу тех или иных произведений современников. Менее всего стремлюсь к комплиентам, хотя и пишу на юбилей. Мой постскриптум написан после и по поводу собрания сочинений Юрия Полякова в пяти томах. Идёт речь о писателе особого рода, вольно или невольно поставившем точку в литературном процессе времени.

Собрание сочинений в пяти томах построено нетипично. Когда-то увидев в поэте прозаика, я пропустила исторического публициста, а они в Полякове неразделимы. Каждая повесть или роман – в той или иной степени публицистика.

Составляя пятитомник, Юрий Поляков посмел, или, точнее сказать, позволил себе необычное построение. Так, первый том содержит три повести: «Сто дней до приказа», «ЧП районного масштаба», «Работа над ошибками» и немалую подборку стихотворений. Ныне модно соединять два жанра, поэзию и прозу. Я тоже поддавалась искушению в своих книгах и заметила некую несомненную стереоскопичность, когда проза и поэзия дополняют друг друга и даже, бывает, спорят.

В первом томе Николай Скатов (серьёзное имя) предваряет три повести коротким эссе, с первых строк заметив нечто очень важное в работах Полякова – иронию, вспомнив, как Александр Блок называл её болезнью, очагом страшной заразы. Поставив Юрия Полякова перед этой «заразой», Скатов тонко заметил, что именно иронический смех способен спасти от возможности окоченеть и окостенеть в обществе. В конце своего предисловия Скатов говорит о Полякове так: «Он не боится обвинений в прошлых ошибках, ибо они говорят не о бесплодности метаний, а о мужественности поисков одного из живых, чутких и талантливых детей нашего времени».

После подобного аванса можно, побронзовев, вступить в жанр литературного повествования, и, очевидно ощущая это, Поляков не спешит ввести читателя в свою солдатскую повесть «Сто дней до приказа», а публикует нечто под названием «Как я был колебателем основ». Жанр этого «нечто» определить невозможно. Клубок, где, не смешиваясь, соединяются вос-

поминания о времени и людях с исповедальными страницами, и тут же политические взгляды и невесть откуда налетевшие строки о девочке, желавшей понять, во что нужно верить.

Всё захватывающе – не оторваться, пусть даже порой раздражает безапелляционность понятий и лёгкость в разговоре о самом тяжёлом. Но тут как раз весь Поляков.

Не нравится? Не читайте. Не ходите в театры на его пьесы. Вообще забудьте о том, что есть такой.

Так нет же. Магнит Полякова возвращает к себе и не хочет отпускать.

В конце концов, мне есть что читать и перечитывать. Я вообще погружаюсь в четыре Евангелия и каждый раз по-разному познаю глубину их, могу и не могу познать. А ещё с интересом читаю словари и энциклопедии. Зачем мне Поляков?

Однако, необъяснимо вдруг начиная искать точку в процессе, называемом советской литературой, я неизменно открываю наугад подаренный мне Поляковым его пятитомник и заставляю под градом невообразимых ассоциаций:

«Бусыгин обрушился на Краснопролетарский райком, как ураган “Джоанн” на курорты атлантического побережья. Знакомясь с аппаратом, он сразу заявил: “Кто не чувствует сил работать в новых условиях, пусть поднимет руку!”»

Готова захлопнуть книгу с этим обыкновенным, вроде бы, абзацем, ни о чём мне не говорящим, но не захопываю, почему-то зная: не просто так здесь вся эта «обычность».

И верно, далее следует:

«Никто, разумеется, не поднял руки, ибо последним человеком, осознавшим, что не может работать в новых условиях, был отрёкшийся от престола государь император Николай Александрович».

Да, ничего не скажешь, круто завернул. Зашелестел страницами истории. Связал несвязываемое. Соединил несоединимое.

И ведь это всего лишь вырванная из контекста цитата.

Полякову ни к чему критика. Его либо принимают как есть, либо не принимают. Не умрёт он от скромности и, зная свою силу, вспоминает:

«Мудрый Сергей Владимирович Михалков, когда-то давно поддерживая меня в борьбе за публикацию “Ста дней до приказа”, сказал в своей обычной насмешливо-серьёзной манере кому-то из партийного начальства:

– Вы с Поляковым поаккуратнее. Он последний советский писатель».

Вот ты и припечатан, Юрий Михайлович: последний. Точка на времени.

«Всё это было бы смешно, когда бы не было так грустно».

Пословица отлично подходит ко всему твоему творчеству.

Дай тебе Бог.

2014 г.

Вера Галактионова

Вчера была война

Как-то поэт Константин Ваншенкин сказал, что его поколение вошло в литературу под стук протезов – многие отвоевавшие ребята в гимнастёрках спешили в аудитории, по истёртым половицам Литинститута, опираясь на костыли. Так было в доблестной юности наших отцов – победителей фашизма. А наше поколение на здоровых ногах вышло из литературы.

Родившиеся в послевоенные годы и окончившие славный институт, дети Победы не удержались в перевёрнутом литературном мире – в мире узаконенного, жёсткого глумления над русским словом. Лишь единицам подготовленных профессионалов, выживающих затем на грани безвестности, кое-как удалось состояться в творчестве – стать писателями, «широко известными в узком кругу».

Это определение принадлежит поэту Олжасу Сулейменову. Он, как секретарь правления СП СССР, успел принять в Союз писателей небольшую группу русских молодых литераторов – авторов двух-трёх первых книг, перед самым развалом державы. И благодаря этому нас, заподозренных в любви к Державе, уничтожить затем было уже немного сложнее. Хотя самым фактом своего существования в литературе мы, конечно же, мешали воцарившемуся вскоре беззаконию – когда повсюду в России величалось ничтожное. И когда последовательной критикой либералов, идеологических киллеров от глобализма, убивалось профессиональное – всё самое талантливое, добротное, искреннее, верное своей ограбленной стране и своему народу, выброшенному на обочину жизни.

«Мы взлетели, нам плёвое дело, а Россия ушла из-под ног». Так писал поэт и прозаик Николай Шипилов о судьбе литераторов, чьё творчество сформировалось в восьмидесятые годы. Он окончил свою жизнь в Белоруссии, отступив из ельцинской Москвы; в столице последней четверти XX века издаваться русскому талантливому писателю было уже невозможно. Мерилом литературного мастерства в России надолго стал отрицательный отбор. И если слово «антихрист» понимать как слово «анти-истина», то это его убийственное дыхание сметало у нас, переворачивало с ног на голову оценочную шкалу в любом виде искусства, начиная с 1991-го года.

Строго-то говоря, при правлении Б. Ельцина в русскую литературу можно было вполне легко и непринуждённо вбежать, даже не отерев грязной обуви, – по ковровой дорожке, которую режим расстилал перед всяким оголтелым русоненавистничеством. Однако вышло так, что режим сам споткнулся о творчество Юрия Полякова: путь талантливого прозаика, драматурга и публициста был строго перпендикулярен этой ельцинской ковровой горизонтали. Его статья «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», направленная против расстрела Белого дома, появилась уже 6 октября 1993 года, в «Комсомольской правде». А в декабре того же года в той же газете было напечатано совершенно пророческое эссе «Россия накануне патриотического бума».

Его опыт выживания в собственной стране в невыносимых для русского художника условиях, право же, достоин изучения. Юрий Поляков словно обладал изначально не просто умением ходить по минному полю, но ещё и обжить его, даже кое-где засеять...

«Наша стая не в раз поредела. Кто погиб, кто в борьбе изнемог...» – писал тот же Николай Шипилов, прошедший через войну в Приднестровье, через защиту Белого дома – и через бездомье в Москве. (Кажется, нас всех тогда вытесняли из своих домов, начиная с великого патриота Валентина Распутина, едва отстоявшего свою московскую квартиру. А вытеснение из жилья – это вытеснение из жизни...). Но при этом в произведениях Ю. Полякова нет противопоставления себя – миру: даже такому миру! Писатель в нём, по его словам, «...обязан

попытаться понять всех. Ведь у самого последнего негодяя есть своя правота перед Богом, а у самого морального человека – свои помрачения сердца...»

Эта позиция ничуть не мешала ему говорить во всеуслышание, на любых уровнях, о лживости внедряемых повсюду оценок – и открыто настаивать на истине, что было весьма опасно. Ведь даже многие маститые писатели с достойными именами в конце XX века отошли в сторону от участия в литературном процессе. За это их, то одного, то другого, сажали подремать в какую-нибудь комиссию, никому не мешая. Он, старец, и сидел там – в одиночестве, «от патриотов», и подрёмывал, когда бойко распределялись премии и гранты... Новые хозяева жизни даже понемножку подкармливали их, известных и заслуженных, за идеальную безгласность. А рисковать подкормкой на излёте своих лет, в такое трудное для писателей время, литературные патриархи в основном не решались. Разводили руками: «Коль всё бесполезно, чего уж тут... Плетью-то обуха – нет! Не перешибёшь...» Они смиренно уносили, утаскивали драгоценную Россию с собою, в гроб, куда собирались улечься вскоре. А нам нужна была Россия живая...

Подлинные произведения русской литературы в это время, конечно же, создавались. Но прорывались они к свету исключительно редко. С авторами таких сочинений режим боролся, как с партизанами, прячущимися по дремучим лесам, но совершающими краткие вылазки, – чтобы отбить часть местного населения, угоняемого в рабство западной идеологии. Такая писательская дерзость режимом не прощалась. За нею следовала какая-нибудь карательная акция... И тогда-то безбоязненно отстаивающим литературные «друзья своя» оказывался никакой не патриарх литературы, а самый молодой писатель нашего поколения – Юрий Поляков. Да, художник, который взлетел гораздо раньше нас, с самых первых своих, очень ранних, произведений. Но та высота, которую он набрал загодя, ещё при Советской власти, сделала его недостижимым для литературных критиков-киллеров и киллеров-критикесс, плотно усевшихся во все «демократические» жюри, во все комиссии, на все трубопроводы государственного финансирования, во все редакции, – руководить литературным процессом и вершить, вершить тот самый отрицательный отбор.

Они и вершили – двадцать лет кряду, нарекая русскими писателями отъявленных графоманов и заваливая все прилавки магазинов либо макулатурой, либо антирусской поэзией и прозой. (Куда только теперь девать весь этот дикий, непомерный объём их деятельности? Ведь начнут, пожалуй, сваливать всю эту генетически модифицированную книжную гадость в сельские библиотеки, отравляя светлых отроков и отроковиц России вредоносной эстетикой. И задарят, чего доброго, Крым печатными отходами ельцинизма – тем, что русской литературой никогда не являлось и являться не могло...)

Конечно, они, люди литературной власти, опоздали сбить его влёт, писателя Юрия Полякова, имевшего «досадную» привычку называть чёрное чёрным, белое белым. Рано взлетев, он, совсем не намного, но опередил во времени их полное, агрессивное всевластие – имена вершителей литературных судеб были значительно мельче, чем имя Полякова. Далее – могли его оклеветать, замалчивать им написанное, не публиковать, мстить за каждое слово литературной правды. Но стереть, вымарать из литературного процесса, как прочих, менее известных русских писателей патриотического направления, вершителям судеб уже было не под силу.

Для прозаика Юрий Поляков удивительно рано увидел и осмыслил социально значимые точки опасного перегрева партийной системы. Его «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба» читала и знала вся огромная страна – СССР. На эти произведения гневалась изрядная часть партийной номенклатуры, уверенная в непогрешимости своего правления. Она грезилась о писателе, который бы замурыликовал и обласкивал бы всё, происходящее в стране, безо всякого разбора, – Юрий Поляков воссоздавал модель общества предгрозового, шагающего бездумно, почти безмятежно, к своему распаду. Разморённое благодушием перезревшего социализма, коллективное сознание отворачивалось от грядущей беды. А произведения Юрия

Полякова, увлекаемая живостью и остроумием письма, вдруг показывали в итоге: беда разрушения государственных устоев жизни совсем рядом.

Все ранние произведения Юрия Полякова отображали то, что происходит в благословенном обществе равных возможностей, которое вот-вот пустят по ветру ленивые люди-начальники – и сноровистые люди-пройдохи. («Козлёнок в молоке», «Апофегей»). Однако самый дальновидный роман Юрия Полякова, «Демгородок», я бы переиздавала сегодня не столько для широкой публики, сколько для служебного пользования, – то бишь, для спецслужб.

Конечно, по самым первым чьим-то публикациям, мы, не будучи даже знакомыми, довольно хорошо знали цену тому, кто как пишет. И если в науке дорого то, что можно воспроизвести опытным путём, в литературе, как и в любом творчестве, – всё наоборот: ценно то, что воспроизвести невозможно. Самая старательная гладкопись ничего не стоит в сравнении с авторской, неповторимой, особенностью стиля. А самое правильное мировоззрение, облечённое в безликую или в подражательную форму, не способно оживить художественное произведение ни в малейшей мере. Так вот, удивляло и заинтересовывало сразу: детали в прозе Юрия Полякова – невоспроизводимы. Они увидены автором с самого неожиданного ракурса. Невоспроизводимы ироничные извивы, некие особенные смысловые виньетки, которые разъять на части и рассмотреть, как это выстроено, невозможно. Не случайно ведь с полным профессиональным уважением относились к прозе совсем ещё молодого Юрия Полякова большие мастера прозы – и Анатолий Ким, и Владимир Личутин.

Меж тем, в литературе начала XXI-ого века творилось что-то уж совсем невообразимое, сразу – по всем направлениям. Разгул либерализма в стране был таков, что у начитанных людей волосы вставали дыбом – от текстов новоявленных, официальных кумиров, представляющих литературу России на всех международных уровнях. «Кумиры» сидели во главе столов, рядом с губернаторами российских городов, на их роскошных приёмах. Прижимались перед телекамерами к первым лицам Государства. Пьяные от своей неожиданной значимости, они призывали наш терпеливый народ ко всё большему и большему покаянию – за то, что он никогда не совершал...

Патриотический фланг, не принимающий участия в модном истязании и бичевании традиционных русских ценностей, оказался втиснутым в крошечную резервацию, разместившуюся на печатной площади всего лишь двух литературных журналов. И такая литература не интересовала ни одно книжное издательство, потому как финансово поддерживалось государством лишь то, что идеологически было направлено против государства...

Какие-то слабопишущие писатели-подготовишки вдруг высказывали из ниоткуда и занимали статусные должности в писательской иерархии, поучая ремеслу всех прочих. Образовалась даже целая прослойка банкетных писателей, которые брать литературные премии научились раньше, чем писать. И обнаружилось какое-то странное отсутствие мужских людей – носителей вполне определённых качеств: в конкурентной борьбе за собственное преуспевание померкли вдруг в литературных деятелях, вчера ещё – очень приличных товарищах, и честность, и благородство, а главное – подевалось куда-то чувство ответственности за сам литературный процесс.

В этой вот круговерти и кутерьме в главные редакторы «Литературной газеты» пошёл писатель Юрий Поляков. И его газета взяла на себя страшно неблагодарную роль – отражать всё, именно – всё, происходящее в русской литературе. Но что можно было в ней отразить, когда она не двигалась никуда, а лишь кружила на одном месте, отработанно и чётко? Так кружит лодка, если грести только левыми или только правыми вёслами.

Чтобы литературная лодка двинулась вперёд хотя бы чуть-чуть, требовалось привести в движение вёсла двух сторон. По тем временам, в самом начале третьего тысячелетия, задача эта была немыслимо рискованной, поскольку с патриотической стороны уже и уключины были давно вышиблены – и выброшены вон за ненадобностью...

Упорядочение литературного процесса страны силами одной газеты – в этом, кажется, не был заинтересован уже никто, кроме Полякова. Одни не прощали ему, что он печатает либералов, другие – что печатает патриотов. Но сама мозаика литературной жизни России была на страницах газеты всё же явлена миру.

Тут не плохо задуматься о роли личности в истории литературы, а именно – о личности, наделённой способностью гармонизировать пространство, а не разрушать его вдребезги. В одном из интервью Ю. Поляковым обозначена его позиция по этому вопросу следующим образом: «Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить излишний социальный гнев, ярость оскорблённой нравственности, мимолётную обиду на подлости эпохи. Это необходимо, ибо настоящий художник не должен валить в своё произведение шелуху сиюминутности, но отбирать осмысленные зёрна бытия».

Так или иначе, а литературная лодка перестала вертеться в одном и том же заколдованном кругу. Она двинулась вдруг, приводя в ужасное негодование литературных хозяев жизни – безраздельных монополистов на протяжении двух десятков лет! И на протяжении двух десятков лет не сумевших создать ничего нового в стране, кроме демократического своего, литературного ноу-хау – романов домохозяек. Да, да, ту самую домохозяйку, которая должна была при коммунизме управлять государством, либералы усадили строчить романы. Дали ей роскошное денежное довольствие и научили несчастную кричать повсюду: «Мы, писатели!», «Мы, русские писатели!».

А ведь все эти люди почти четверть века занимали чужие, не свои, места! Из года в год съедали чьи-то литературные судьбы, вытесняя собою настоящих литераторов! Брали не своё, пили чужое, ели чужое, сидели не на своих стульях. Вполне успешно сидели...

Да и сейчас, когда любить Родину уже не зазорно, те же вершители судеб вдруг переобулись в патриотизм! Схватили рулевое весло и ну грести, поднимая брызги доверху. Орут о себе с экранов: «Наконец-то мы, патриоты, у власти! И так-то мы, патриоты, добры, что теперь печатать будем исключительно своих оппонентов – тех, кого печатали эти противные либералы все 25 лет!»

...Иногда я перечитываю стихотворение Юрия Полякова «21 июня 1941 года. Сон». «Сегодня я один за всех в ответе...» Но каждый раз кажется мне, что это – о предчувствии войны, захватнической и беспощадной, в нашей отечественной литературе рубежа веков, в нашей многострадальной культуре. «И знаю я один на белом свете, что завтра белым свет не назовёшь...»

Датировано стихотворение 1975-ым годом. Да, тогда уже Юрий Поляков действовал, как предостерегающий, – движимый желанием исправить, спасти, настоять на правде. «Что я могу перед такой бедою?! Могу – кричать, в парадные стучась. Спешите, люди, запастись едою и завтрашнее сделайте сейчас!...»

Да, сумел Юрий Михайлович сделать завтрашнее загодя, вступив в литературу очень рано. Сумел помешать окончательному разрушению шкалы литературной ценности – и умеет сейчас отвечать на атаки всё ещё властвующих негодяев.

Освобождая от лжи и грязи литературное наше пространство, пядь за пядью, он воюет без геройства. И вообще, воюет, вроде бы – не воюя: без пафоса. Временами даже весело... Как это написано им в конце того самого, пророческого, стихотворения – про войну? «Я так скажу: фашист кичлив, но шаток – одна потеха русскому плечу...»

2014 г.

Александр Проханов

Как хороши, как дивны были реки!

Дорогой Юрий Михайлович. Помнишь, как мы плыли с тобой на теплоходе по чудесным русским рекам, по восхитительным весенним разливам? По сторонам зеленели леса, по берегам пели соловьи. Мы проплывали мимо восхитительных монастырей, любовались чудесными фресками. На нашем ковчеге были монахи, лётчики, философы, художники. Как нам было хорошо с тобой в этом русском братстве, на этом русском священном корабле среди единомышленников и братьев по духу.

А ещё помнишь, Юрий Михайлович, то кромешное время, когда меня, грешного, травили собаками, гнали по всем закоулкам, по всем углам, не пускали меня никуда, клеймили, называли фашистом, я был исчадием ада, мною либералы и демократы пугали детей, я был прокажённый, а ты, ведя программу на телевидении, пригласил меня в свою передачу. И как я был восхищён этим поступком! Как я увидел в тебе единомышленника и брата, человека бесстрашного, человека русской воли и русской красоты.

Помню, Юрий Михайлович, когда distinguished «Литературная газета» вручала мне премию Дельвига, удостоив меня «Золотого Дельвига», я сидел взволнованный, ожидая награждения, и смотрел на тебя. А ты хлопотал, вскакивал, убегал за кулисы, возвращался. И с каждым твоим возвращением ты всё молодел, глаза твои наполнялись мальчишеским восхитительным светом. И когда награждение состоялось, как мне дорого было чокнуться с тобой и принять от тебя поздравления.

Ты возглавил «Литературную газету», которая была для меня не просто газетой. Советская «Литературная газета» была для меня школой. Она посылала меня во все горячие точки, начиная от Даманского и кончая Афганистаном. Она учила меня социальному взгляду, социально-политической военной журналистике. Она учила меня представлениям, связанным с ответственностью художника и писателя, трогающего самые острые, болезненные и грозные темы Родины. И когда произошло непредсказуемое, когда стал рушиться Советский Союз, «Литературная газета» из высоколобой, пускай свободомыслящей и либеральной, но всё равно абсолютно достойной и во многом центристской газеты превратилась в гнездовье радикальных либералов. Оттуда ушли все приличные люди, и там образовался клубок змей, который травил в том числе и меня, опытного сотрудника газеты, принадлежащего к этому цеху. Как страшно мне было видеть это массовое предательство, вероломство, падение и разрушение этого исторического печатного органа. И когда ты пришёл туда, я наблюдал за тобой, как трудно было тебе оказаться в этом ядовитом скопище, среди этих каракатиц, которые выпускали на тебя тучи чернильного смрада. Но ты своими усилиями, своим тактом, своей мудростью, своим умением обращаться с людьми выправил этот накренившийся на борт ковчег русской журналистики, придал ему устойчивое положение, сбалансировал духовные и политические силы, которые пребывали в этом ковчеге. И теперь он плывёт ровно, целеустремлённо и истинно по намеченному тобой маршруту.

Когда я смотрю на сегодняшнюю «Литературную газету», перелистываю большие, знакомые мне даже по запаху её листы, смотрю на профиль Пушкина и на профиль Горького, который ты вернул на страницы газеты, я думаю, что у этого корабля есть прекрасная статуя. И как ни странно, эта статуя каким-то загадочным образом повторяет твои черты и в фас, и в профиль. Я думаю: Боже мой, неужели тот художник, который своим резцом создал эту статую, так хорошо знал и любил тебя? Дай Бог тебе дальнейшего счастливого плавания.

2014 г.

Владимир Личутин **«...И замыслил он побег»**

Я и Юрий Поляков разных «отраслей» (возрастов). Я уже закончил школу, он – детский сад. Я – с берегов Белого моря, из студёных земель; он – из московских подворотен; я, безотцовщина, мыкался в поисках доли, как и миллионы сверстников, и случайно не пропал в траве забвения; он – шёл ступью московского школяра, пусть и на скудной выти, но без перебоев; учёба учёбой, но обед по расписанию. Я ошибался, жил по наитию, не представляя своей тропы в будущее, по которой можно было не свалиться в яму; он – видел перед собою сияющее советское солнце, а комсомольские заветы были ему державою...

Пропадая в писательском кабаке и невольно присматриваясь к писательской публике, я порою обращал взгляд на кудрявого вальяжного парубка с чистым русским лицом; не хватало лишь бумажного цветка в петлице и тальянки через плечо: «Эх, дайте в руки мне гармонь, золотые планки», – и все девки у ног. И кто-то однажды объяснил, что это Юрий Поляков, поэт, автор шумевшей повести «Сто дней до приказа». Внешностью он походил на юмориста Евдокимова с Алтая, в те поры бойкого, окучивающего «Смехопанораму» артиста, словно бы сам Василий Тёркин, весельчак и гармонист, располневший после окопов, вылез на московские подмостки тешить городскую публику. Похожесть Полякова с Евдокимовым была настолько поразительна, что я долго полагал их за братьев с деревенского порядка. Думал: надо же так угораздить, ну прямо вылитые. Конечно, «брательники» отличались от Василия Шукшина, острого на язык русачка в кирзачах, сухощёкого от приzataённой внутренней хвори, с печальным прощупывающим взглядом, которому так личила деревенская фуфайка и рубаха с опояской. Простонародный язык, народный юмор крепко сближали алтайцев, и эта близость Евдокимова к либеральной полумещанской московской публике была несколько обидна для меня, простеца-человека, и вызывала недоумение: откуда в этом хвате, рядящемся под крестьянского ваню-дурачка, столько чувственной земной силы, и не иначе как Евдокимов играет особую роль, носит маску, чтобы при удобном случае снять грим и объявить: «Это я, Евдокимов, пришёл дать вам волю!» Но, увы, любимый народом алтаец ушёл, не задержавшись на земле, странно погиб на русской дороге, вызвав массу недомолвок и стойкое убеждение, что тут без нечистой силы не обошлось.

И хотя Поляков не деревенщина, городской выкройки литератор, с особенным столичным характерным фартом, но манера прощупывать явление, даже самое крохотное и заурядное, не только зорким взглядом, но и сердцем и душою, выискивая скрытые причины его, ставит, как может показаться странным, в один причудливый ряд Полякова с Шукшиным и Евдокимовым. Они умудрялись сыскать в простеце-человеке ту изюминку, то любопытное редкое качество, что из заурядной личности, кургузой и невзрачной внешне, вылепливает образ, выпирающий из серой житейской среды, чем и вызывает невольное любопытство читателя (тут не место делать сравнительный разбор произведений).

...Страна катилась под откос, Горбачёв, Лигачёв и Яковлев с приближёнными референтами и цековскими чиновниками, с полковничьей прислугой из Комитета и с комсомольскими развращёнными щелкопёрами усердно спихивали государство в перетряску и хаос; но не только чужебесы помогали разгрому Союза, но и русские литераторы, не догадываясь о том, невольно включились своими произведениями в эту рассорицу. Мстительные внуки троцкистов по работам Ленина изучили теорию революций, и в помощь им пошло всё, что действует на умы и сердца, доводит до психоза и беспамятства. Как стенобитные орудия, пошли в дело «Окаянные дни» Бунина, «Архипелаг ГУЛАГ» Солженицына, «Кануны» Белова, «Печальный детектив» и «Людочка» Астафьева, «Пожар», «Живи и помни» и «Прощание с Матёрой» Распутина, «Белые одежды» Дудинцева, Гранин и Рыбаков, Приставкин со своей злоумышленной

«Тучкой золотой...» и Трифонов с жильцами из серого дома на набережной. Всякое сердитое слово было в строку, а разрушительным пафосом заполнилась почти вся пресса, журналисты старались, смолов доброе зерно, накормить народ мякиною и высевками: чёрное выдавалось за белое, ложь за правду, предательство и измена за честь и стойкость, фарисейство за искренность. Прочитывались произведения под особым нигилистическим, русофобским мелкоскопом, чтобы любого крохотного червочку превратить в змия-дракона огнедышащего, а талантливую русскую работу, приправленную невольной печалью, – в ядовитое блюдо. Чтобы, прочитав, отравились и выблевали даже остатки почтения и любви к Родине. В конце восьмидесятых в пропаганду революции шло всё, где можно было вычитать хоть малейший изъян в праведности советской власти.

Что там говорить: цинизм удушающим облаком окутывал страну, и не было такого противогаса защититься от него. Боксёр Коротич переплыл Днепр и окопался в Москве, превратив её в ринг, своим «Огоньком» поджигая русскую историю и народное предание. Добрые советские люди с нетерпением ждали, когда же наконец этого сатанёнка приберёт дьявол... Украинцы злорадно хихикали над Москвою: де, вы нам Чернобыль, мы вам Коротича. Таковую силу имел в те времена пробравшийся «с западенции» яковлевский лазутчик. Либералы старались перешеголять друг друга в цинизме, забыли праведное предупреждение русских мыслителей девятнадцатого века: дескать, либералами, отринувшими Бога, под надсадные вопли о свободе личности творятся самые гнусные дела.

Вот в эти дни великих национальных смятений и сомнений и появились «Сто дней до приказа» Юрия Полякова. Помню, мы летали в Западную группу войск для выступлений в частях. И офицеры с чувством какого-то негодования вдруг вспоминали эту повесть, как упрёк нам, писателям, будто мы и были её авторами и предателями. Я эту работу тогда не читал, и слава Богу. В армии служил три года и, несмотря на трудности солдатского быта, остался ей благодарен на всю жизнь. Она выбила из меня остатки фальши, освободила личность, содрала с меня кислую шерсть эгоцентризма и гордыни, приучила к трудностям, то есть сделала из меня настоящего мужика, которого высади на необитаемый остров – он и там выживет, того самого солдатики, который сварит суп из топора и щи из кирзового сапога. А вся эта бесконечная гугня о дедовщине была запущена лишь для того, чтобы в годы нестроений замутить армию, сделать её козлом отпущения в невзгодах, выскоблить из неё неколебимую верность отечеству и превратить в сброд, гуляй-поле, где царствуют жёсточь и анархия. Дедовщина – это особое качество любой армии мира, она была, есть и будет всегда: «дед» – это первый помощник взводного командира, его тыл и подмога; другое дело, когда нарушаются главные человеческие качества – совесть, стыд и жалость, когда научение «молодыжки» дисциплине и порядку незаметно переходит в садизм, в сладкое, как чесотка, наслаждение, разрушающее не тело, но душу, когда переступается самое изначальное, что и отличает от зверя: «Остановись, человек, это же брат твой!»

Критика общего советского дела тогда считалась за норму, и Поляков, как писатель резкого, афористичного ума, не оглядываясь на последствия, живописал то, что, наверное, видел, но под либеральным углом зрения.

И позднее, когда вулкан либерализма назрел в России и пролился гноем, Юрий Поляков опомнился и, наверное единственный из литераторов, прилюдно повинился в содеянном, мол, кабы знать, что моя повесть поможет этому дьявольскому замыслу разрушения великой страны, когда будет поправа жалость к простому человеку и восторжествует антимораль, я бы её не напечатал...

...Познакомился я с Поляковым и довольно близко сошёлся много позднее, уже после танкового расстрела Белого дома, самой проклятой страницы русской истории, явившейся нашим стыдом и пределом нравственного падения, когда было варварски погублено более тысячи русских святых душ.

Трагедия девяносто третьего вывернула наизнанку сущность либерала – светоча демократии, не только как безбожника и неотроцкиста, презирующего своё отечество и народ, но и бездушного эгоцентрика, вокруг которого, как барина и господина, обязана вращаться в услугах вся «низкая» Россия...

«Ребята, хотите жить, – раздавите гадину!» – кричал по радио в те дни «асфальтовый фермер» Юрий Черниченко.

Явлинский: «Президент должен проявить максимальную жёсткость в подавлении».

Новодворская: «Мы блуждаем в хищной мгле, и очень важно научиться стрелять первыми, убивать... Убей гадину или заказывай себе гроб!»

Окуджава: «Я наслаждался этим (расстрелом). Я терпеть не мог этих людей, и даже в таком положении никакой жалости у меня к ним совершенно не было».

Неврастеничная артистка Ахеджакова требовала с экрана телевизора, театрально заламывая руки: «Борис Николаевич!.. Что же это за проклятая конституция... А где наша армия? Почему она нас не защищает от этой проклятой конституции? А мне ещё говорят: легитимно, нелегитимно».

«Россия, ты сошла с ума!» – вопил подвыпивший Юрий Карякин, узнав, как отнёсся народ к либеральной спайке, прокатив её на выборах в думу.

За расстрел Белого дома президент Ельцин и его соучастники были преданы иерархами русской церкви анафеме 30 сентября 1993 года (она вступила в силу 3 октября, в день пролития невинной крови). Наверное, узнав о проклятии церкви, Ельцин и Черномырдин похихикали и тут же забыли, лишь на миг замерев душою. Но увы... И они, и многие, кто участвовал в расстреле или подстрекал кремлёвского очковтирателя «раздавить гадину», скоро отъехали на тот свет. Никто из ныне живущих на земле не видал Вседержителя, но лучше его не гневить.

Слава Богу, что толковище, активно участвующее в революции девяносто первого, было неоднородно; оказались в той среде социалисты, либералисты, монархисты, националисты, коммунисты, государственники и дети сатаны, русофобы, масоны, содомиты, хасиды и черносотенцы. Некоторые заблудились окончательно и утонули в нетях забвения, другие, в ком не умерло здоровое чувство и не померкла душа, скоро опомнились, побороли соблазны и революционный угар и выплыли на стремнину русских вечных смыслов. Затулин и Бабурин, Павлов, Киселёв, Леонтьев, Полторанин, Миронов, Болдырев, Кургинян, Глазьев, Шевченко и Мамонтов, Александр Кондрашов и Пушков, Замостьянов и многие сотни мыслящих деятелей на просторах России, кто пришёл в ум и ужаснулся содеянному, замыслили и исполнили побег из либеральной трясины на русский берег и примкнули к патриотам-государственникам... Благодаря их здравому уму и мужественным поступкам началось постепенное умирение распавшегося зла.

Вот и Юрий Поляков оказался среди деятельных промысли-тельных участников движения за новую Россию. Наконец-то пришла пора собирать камни, но не с тем чтобы снова метать их в своего брата, как в девяносто третьем, а закладывать в фундамент государства. Ведь мы-то, кто внизу, полагали, что лишь сванидзе с гайдарами и чубайсы с рыбкиными при власти и варят свою бражку под знакомый мотив: «Возьмёмтесь за руки, друзья...» Ведь эти «мэнэ-эсы», карточные шулера, партийные чиновники мелкого разлива и хищники из подполья рванулись к власти наперегонки, расталкивая неловких локтями, под знаменем разрушения исторической России, с лозунгами семнадцатого «Кто был ничем, тот станет всем», с неукротимым желанием скорой добычи «Отнять чужое и поделить меж собою», чтобы из глотки рвать, безжалостно копытить такую немилую им землю, под шакальным девизом Чубайса: «Больше наглости!» И самовлюблённый честолюбец, неврастеник Ельцин с замашками гоголевского городничего отыскался в их же колоде.

А иные, кто покинул волчью стаю, поразившись её безмерной жестокости, пошли в будущее с замыслом эволюции духовно закисшей системы, постепенного совершенствования великого Отечества, с душою, жалостной к униженным и оскорблённым.

Уже вскоре после расстрела Верховного Совета, когда многие впали в уныние или замкнулись в растерянности, как жить дальше, иные фарисеи-богомольники взялись ретиво проклинать тех русских подвижников, которые призывали встать на защиту Белого дома (дескать, бедные мальчики, они напрасно погибли, и во всём виноват не Ельцин, ибо всякая власть от Бога, а провокатор Проханов с его газетой «День»), – так вот, Юрий Поляков, тогда далёкий от «красно-коричневых», выступил с яростным обличением «гидры либерализма», совершившей преступление, не имеющее срока давности, его мертвенной сущности, когда плотское «я», встав на котурны, пожирает самого Бога и даже помыкает его заповедями. (Так им кажется и поныне, ибо для них совесть и душа – объекты смешные, непонятные, невидимые и малопочтенные, не приносящие прибýtка.)

Увы, забыто: будущая история принадлежит Богу, а минувшая – совести. История прошла, маячит где-то за горизонтом, и её уже никогда не догнать и не познать в истине, как бы ни пытались мудрейшие из мудрейших; но, чтобы представить её, хотя бы мысленно приблизиться к её отражению, нужна душа чистая, душа сокровенная и откровенная, напитанная не столько знаниями, религиозной верою и догматами, сколько любовью и национальным искренним чувством.

Каждая власть, презрев законы национальной этики, кроит историю под свой закон и право, создаёт мифы и внедряет их в народное сознание с завидным упорством. И даже такие блестящие мыслители, как историк Карамзин, немало потрудились, чтобы навести тень на плетень. Изменник Курбский стал человеком приятным во всех отношениях, а Иван Грозный, кому Русь складывала торжественные песни, вдруг в мнении Кремля превратился в изверга, кровопийцу и душегубца, тот, самый великий в нашей истории, глубоко православный царь, создавший русское государство, считавший великий русский народ самым древним на земле, ведущим свой род напрямую от Адама и Евы.

Алексей Михайлович, при царстве которого не стихали бунты и волнения, случилась жесточайшая крестьянская война под водительством Степана Разина против неистовых володетелей, отнимающих у народа волю и право, когда десятки тысяч восставших были повешены и посажены на кол, тот самый великий князь, что притащил на Русь иноземцев и с их помощью затеял церковный раскол, раздвоивший русскую веру и народное сознание, раскол, не потухающий и по сию пору, но принимающий новые, самые изощрённые формы, – так вот этот царь дворцовыми угодливыми захребетниками был назван Тишайшим. И миф этот закрепился.

Пётр Первый в представлении всех властей оказался великим реформатором, и этот миф поддерживается изо всех сил. (Единственная, кто сказала о нём правду, была Екатерина Дашкова, президент академии.) Его исполинский облик возвышается на стрелке Москвы-реки под самое небо, одним своим видом возвещая рабчишкам, кто на этой земле истинный хозяин.

Да, когда-то по прихоти своей в чужеземной стороне Пётр помахал топориком, может, и отесал пару шпангоутов, на большее бы недостало сил, ибо молодой государь был слаб здоровьем, да и эта игра в плотника скоро бы прискучила ему; но, вернувшись в Москву, он уже палаческим топором самолично, для устрашения Руси, отсек семьдесят шесть голов. Этот случай и поныне потрясает воображение, удивителен даже для европейской жизни, где всякого зла случалось, но западные историки почему-то не обратили на него взгляда, словно бы учёные головы, пугаясь петровского лютого топора, были повёрнуты в нарочито заданную сторону. Но создателя государства Ивана Грозного они по сию пору усердно мажут дёгтем и линчуют на всех перекрёстках Европы, с усердием сочиняя небылицы, лишь потому, что Грозный боролся с изменниками и ересью жидовствующих, а протестант Пётр поддержал её и нарочно распахнул окно на Запад, припустил на Русь гиль и сором. Это Пётр окончательно, почти на

двести лет закабалил, надел петлю на шею русского мужика; это в его бытность пошли на добровольный костёр десятки тысяч крестьян, только чтобы не изменить православной вере, приняли мученический терновый венец, уподобляясь Христу; это в бытность Петра были срублены колокола и церковь лишилась голоса; был изгнан с престола патриарх, а его место заняли лихоимцы-чиновники. Но именно Пётр Первый, как творец кровавой революции, при котором население России уменьшилось на миллион, был назван Кремлём «великим реформатором», а «низкая» корневая Русь дала ему самый гнусный и тёмный чин «антихриста». Через сто лет это звание «начальника легиона тьмы» перейдёт к Наполеону, пошедшему усмирять Россию.

Ещё многое можно поведать, перечисляя царственный ряд, чтобы понять, насколько по-разному смотрят на историю власть и народ. У «тёмного низа», надо сказать, взгляд на историю более точный, ёмкий, мудрый, освящённый христианскими чувствами и религиозным сознанием, лишённый низкопоклонства. В создании изустной памяти участвовали не только десятки миллионов людей, но и их родовое знание, нажитой трудовой опыт, их мораль, национальная этика и эстетика, о чём напрочь забыла придворная знать, поклонившаяся Западу, добровольно пошедшая к иноземцам в услужение дорогою предателя Курбского и постепенно утрачившая родовой язык, а значит, и русскую душу.

Двор сочинял историю из своих потребностей, чтобы упрочить власть, листая чужие умысленные книги, а народ вытягивал историю как бы из небытия, из потёмков, где слепой безнациональной душе нечего делать: она вмещалась в духовные стихи, былины, песни, сказания и сказки, – и этот нажитой духовный опыт простонародья не вместится и в сотни томов.

Но и эта история однобокая. Если господа писали о минувшем, глядя с вершины горы вниз, то взгляд их невольно спотыкался о кромку обрыва и замирал, боясь опуститься на дно пропасти, к самой земле, где обитали «тёмные жуткие массы».

Деревня же хранила минувшее, глядя снизу вверх, и вершина горы, где происходило множество событий, где текла иная, сытая господская жизнь, оставалась в мареве, тумане, приобвеянная легендами, мифами и досужими литературными побасёнками борзописцев. Оттуда доносились лишь слухи.

Значит, настоящая история могла бы возникнуть где-то в синтезе, спайке всех впечатлений, открытий и накопленных знаний, при несомненной любви и почтении, и религиозном сознании, и русском всеохватном благодетельном чувстве, именуемом совестью, – но этому слиянию постоянно мешает спесивый «верх», крепко опечатанный подспудным страхом и сомнениями в несовершенстве чёрного «низа». Поэтому истинная русская история запечатана, замурована, и, увы, ключа к ней пока не сыскали.

И понимание истории разное у «верха» и «низа». «Верх» чтит, предположим, царя Алексея Михайловича. А в народе его не знают, но славят и помнят Степана Разина, как образ героя-мученика, добровольно пошедшего на крёстные муки, ради народной воли повторившего путь Христа.

«Верх» чтит немку Екатерину Вторую, которую Пушкин называл женщиной греха (и хуже того). Народ же поклоняется Емельяну Пугачёву, но не как разбойнику, но простецу-человеку, наделённому гениальным даром вождя и воина, умевшему собирать под свою руку десятки тысяч христиан, по задаткам своим действительно способному стать русским государем.

А если вернуться в наше время?

Двойственность взгляда на историю можно проследить по Михаилу Горбачёву. Блюдолизы готовы были целовать след его ноги, даже принялись собирать золото на памятник, и один чудаков внёс двенадцать килограммов, о чём и сообщил по телевизору. Может, мамону хотели отлить для поклонения? Но никто не подумал, как охранять его: тут без полка десантников не обойтись. Хорошо, эта затея скоро стухла.

Простой народ окрестил генсека «Миша Меченый», «бес», скоро уловив тайную подкладку его души и тёмного замысла. Ведь «меченый» человек, с кровавой печатью на лбу, по народному представлению – чёрный человек, мелкий бес, слуга дьявола. И прозорливый простец-мужик оказался куда вглядчивей и ближе к пониманию сущности человека, его бездушия и нравственной пустоты, чем председатель Комитета Андропов со своей армией служивых и «сексотов», который и вытащил Горбачёва во власть. А может, и знал, да умышленно скрывал и доставил его в Москву, как стенобитную машину разрушения?

Первому президенту России по смерти скоро слепили несуразный памятник-надолбу в стиле языческих идолов. А народ называл Ельцина: «алкаш», «серый валенок, которому нельзя доверить даже овец пасти», «идол», «беспалый», дескать, «лучше бы захоронили его вместе с царскими останками, всё меньше расходов».

Кремлёвским очарователям, прежде чем крепить память по умершим, надо бы погодить, прислушаться к народному гулу, о чём витийствует народ по стогнам и весям, и мотать на ус; тогда бы, глядишь, и не ушибались, падая носом в грязь курам на посмех.

Почему я вдруг обратился к истории? И при чём тут Юрий Поляков, который смышлён, талантлив и здрав умом? Смута в столице вдруг обнаружила, что для государства и его благоденствия правда о России не менее, а порою, может, и более ценна, чем миллионная армия под ружьём и газопровод, ибо она выстраивает православную, стойкую к невзгодам душу.

И вот, много места отдавая на страницах «Литературной газеты» русской истории, Поляков невольно выдвинул газету на передние рубежи защиты родины от посяганий. Газета стала хранителем и охранителем коренных основ отечества, его рубежей, пытается выстроить национальные предания и вспомнить исторических героев с позиций русской морали, любви и совести. До Полякова газета умирала, превращалась в трупнице околелое, в «гроб повапленный», и вот встрепенулась, задышала, добрые токи пошли от неё в культурную среду, вызывая толки и перетолки, народ зароиhsя вокруг «Литературки», противясь «чаадаевщине» («как сладко родину ненавидеть») и возбуждаясь к России поклончивым чувством: «Быть русским – какой восторг!»

Человек бывает по душевной организации тёплым иль холодным, но чаще всего ни то ни сё, ни Богу свечка, ни чёрту кочерга, ни мясо ни рыба, колеблется в ту сторону, куда ветер поклонит, как Бог на душу положит. Так вот, Юрий Поляков – человек душевно тёплый, хотя и пытается скрывать свою истинную натуру по известной поговорке: «Сладкое разлижут, горькое расклюют». Он раздумчив, но осторожен, как истинно московское дитя, чтобы не угодить впросак, правду-матку не режет, старается соблюсти приличие и добраться до корня дела, до самой сути явления, вытащить причинно-следственную связь его, «откуда ноги растут», разобрать по косточкам и волотям, а после, прикинув возможные варианты, собрать в груд и сделать вывод. Это уже работа ума иронического, стиля гротескного, но не ради того, чтобы зло посмеяться, унижить ближнего, но пробудить уснувшее, глубоко спрятавшееся человеческое.

Как скорняк кроит меховую выворотку из лоскутья, примеряя куски, покромки и пластины и смётывая поначалу их на живую нитку, чтобы увидеть подергушку в целом, так и Поляков отдельные примеры и факты набрасывает на одно жизненное полотно, выявляя из частного целостную картину происходящего, рисует её так, чтобы понятно стало и несведущему человеку, далёкому от политики.

Писатель Поляков таланта редкого ныне, единичного, поручительного и учительного, он стоит наособицу по своему письму, и повторить его сатиры сложно. Его мысли становятся афоризмами, легко проникают в народ, возбуждают своей искренностью «чувства добрые», не только уводящие от зла, но и заставляющие противостоять ему.

Юрий Поляков и «Литгазету» строит на началах православного национального сознания: «Кто любит Россию, тот любит Бога». Не порывая полностью прежних связей с «чаадаевцами» и либералами-сектантами астафьевского толка, Поляков умудрился потиху заузить

былые «семейные узы» газеты, расширить её кругозор, дать ей живого, открытого дыхания, припустил в тесто русских дрожжей. И взгляд газеты поочистился от тусклой пелены, стал много шире и яснее.

И сразу Поляков нажил себе недругов; они стали усердно лаять из-за углов и подворотен, как несытые псы, кусать в пяты, выясняя: чей ты? Но он растревожил не только нигилистов и пацифистов, западнцев и развращенцев, но и солдат «инвалидной команды» из патриотического стана, кто «штык точил, ворча сердито», и не знают, увы, сердешные, в какую сторону направить его жало, и оттого засыхают в бездействии на корню в своей покосившейся караульной будке, и ещё пуще злятся и дуются на человека, который самоволкою выбрал верную тропу. Им тоже хочется доброго дела, но не знают, как подступиться, душа их ноет, но, заблудившись среди трёх сосен, они постоянно ударяются лбом, набивая шишки, и оттого ещё более сатанеют от безысходности. Да ещё эта проклятая зависть душит. Уж так Поляков удачлив, подозрительно удачлив, и всё как будто достаётся ему даром, словно бы изловил случаем волшебницу-шуку в проруби, и она, потаковщица, из вражьего стана разведчица, пьесы ему строчит, романы клекает, коттеджи ставит, а он, такая протобестия, знай себе полёживается на печи-самоходке, бока почёсывает, закидывая в рот сибирские пельмешки.

Нарисуешь подобную картину да и взвоешь от неладной доли, что через пень да колоду. И правда, что человек, которому завидуют, слишком много места занимает, воздуху отнимает, и невольно возникает желание его пообрезать да заузить, сделать себе ровню, а и меньше того.

...И вот братцы-патриоты, внося рассорицу-пересортицу, невольно обнимаются с антагонистами-либералистами, оправдывают Ельцина и Черномырдина, расстрелявших Верховный Совет...

Последнее прибежище либерала – якобы достигнутая в России свобода слова. Братцы мои, какая там сво-бо-да-а?! На телевидении наследники Собчака и Гайдара так укупорились, набились слоями, как шпроты в банке, что чужому и за версту не подступись. Пробовал народ в девяносто третьем высказать своё мнение с экрана, так за свободу слова получил пулю в лоб. Пятьдесят шесть гробов за одно лишь намерение мирно объясниться с либералами. Если на Красной площади лишь выкрикнуть: «Банду коррупционеров под суд», – тут же заметут в кутузку, как экстремистов. И снова панельная кухонька два на три с закрытой форточкой, как в семидесятых, где язык твой не связан страхом, – хорошо, если нет прослушки и топтуна под балконом, – вот и все достижения нынешнего режима для русского человека. Либерал, ратуя за свободу слова для себя, окопался, как плодоярка, в каждой волости государства и давай обгрызать его жадно, с хрустом, ныне именуя себя патриотом.

И потому «Литературная газета» и её редактор Юрий Поляков будут до той поры в осаде, пока не опомнится Кремль и не разберётся толково, куда идти и что надо строить на русской земле.

2014 г.

Юрий Козлов Рычи, Россия!

Так получилось, что написание статьи о писателе, общественном деятеле, главном редакторе «Литературной газеты» Юрии Полякове (в этом году ему предстоит пережить 60-летний юбилей) пришлось на время «русской весны», возвращение Крыма в состав России и вспыхнувшую с новой силой дискуссию об особенностях российской интеллигенции.

В середине тридцатых годов автор утопического романа «Мы» Евгений Замятин утверждал, что будущее русской литературы – это её великое прошлое. К счастью, он ошибся. Советская литература не ударила в грязь лицом. Более того, литературная жизнь в СССР по своему идейному наполнению и влиянию на общество не шла ни в какое сравнение ни с прежними временами, ни с тем, что мы наблюдаем сегодня, когда литература в гораздо большей степени, чем некогда церковь, отделена от государства. Однако реакция немалой части интеллигентной публики на такое благое и светлое дело, как воссоединение с Крымом, невольно заставляет думать, что настоящее и будущее российской интеллигенции мало чем отличается от её прошлого, которое, к глубочайшему сожалению, в отличие от литературы, трудно признать великим.

Определение В. И. Лениным интеллигенции как «говна нации» в полной мере относится и к самому вождю мирового пролетариата, явившему миру квинтэссенцию ненависти не только к несправедливому на его взгляд тогдашнему устройству мира, но и к своему народу и государству. Их, впрочем, «своими» Ленин никогда не считал. Грубо говоря, в треугольнике «интеллигенция – народ – государство» никакая гармония, никакой здравый смысл изначально невозможны. Предлагаемый со стороны интеллигенции выбор невелик. Или устойчивая, транслируемая социальными сетями и СМИ, обострившаяся сегодня из-за крымского вопроса ненависть к народу и государству.

Или неутолимое желание безжалостно реформировать косное, продажное, воровское государство вместе с отупевшим, рабствующим народом, не опираясь ни на какие общечеловеческие правила и принципы, как это делали в семнадцатом году Ленин, а в начале девяностых Гайдар. Ленин едва не бросил Россию в крематорий мировой революции. Гайдар – в не менее эффективный крематорий рынка, спаливший в девяностых и нулевых годах не один миллион человеческих жизней.

Всем же прочим, кто относит себя к образованному сословию, но не желает существовать внутри этих на первый взгляд разнополярных, но в действительности единосущностных, растягивающих «жизнь и судьбу» в пыль жерновов, предназначены наказание забвением, либеральный бойкот, а в менее «вегетарианские» времена – «философский пароход», лагерь, ссылка, а то и расстрел. Неформат – он и есть неформат.

Творчество Юрия Полякова – это удивительно талантливая, исполненная победительного юмора и точнейших наблюдений попытка разобраться в двойственной, но изначально враждебной государству и народу природе российской интеллигенции. Причём как той её части, которая формирует общественное мнение, определяет презрительно-брезгливый по отношению к власти дискурс, так и той, которая находится во власти и действует в отношении государства и народа аналогично, но иными средствами. Уж кто только ни ужасался нашей работающей исключительно «на вынос» экономической системе, а также телевидению, театральным постановкам, странным, оплаченным из казны фильмам и перформансам, специфическим авторам, призванным представлять страну на различных международных мероприятиях. Но нет! Всё остаётся как было.

Поэтому произведения Юрия Полякова, как во времена позднего СССР, так и в сегодняшней России, мягко говоря, не пользуются успехом у либеральной интеллигенции, предъявляющей писателю взаимоисключающие претензии. Либералы во власти – за излишне злую, по их мнению, критику власти. Либералы вне власти – за конформизм и мнимое сотрудничество с властью. Писателю не прощается даже не столько доказательство однокоренной сущности власти и так называемой оппозиции, сколько то, что он позволяет себе смеяться и издеваться над «священным» и ни при каких обстоятельствах не подлежащим отмене правом современной российской интеллигенции: ненавидеть государство, презирать власть и одновременно сытно жрать из их кормушки.

Этого они Юрию Полякову простить не могут.

Зато его книги читает народ, и если есть сегодня в стране по-настоящему народный писатель, то есть такой, кого независимо от того, нравится или нет то, что он пишет, читают все, то это именно Юрий Поляков. Только один читатель голосует за него тиражами и полными залами на встречах и конференциях, а другой (либерально-интеллигентный) – угрюмым молчанием и «критическим» бойкотом.

Людвиг Гумплович, польский философ девятнадцатого века, считающийся одним из основателей социологии, в труде под неpolitкорректным названием «Борьба рас» вообще утверждал, что представители так называемых элит во многих государствах являются либо потомками завоевателей этих государств, либо представителями этнических, религиозных или культурных меньшинств. Можно вспомнить норманнов в Британии, варягов, монголов и немцев на Руси, европейцев в Новом Свете, наконец, хазар в волжских степях. Все политические элиты, развивает эту мысль современный философ и политолог Александр Дугин, таким образом, есть результат внедрения в народы представителей других этносов, некогда покоривших местное население и создавших особую властную прослойку, преобразовавшуюся впоследствии в политический класс. Эта прослойка закрепляет свою победу в системе управления государством, создавая для «своих» привилегии в экономике, культуре, медийном пространстве и шоу-бизнесе. Власть, в соответствии с данной теорией, является не выражением народного духа или религиозной мысли, а ксеноморфной, как пишет Дугин, отчуждённой организацией. В самом деле, как иначе можно объяснить поздравительные телеграммы прогрессивной российской общественности в начале прошлого века японскому императору по случаю победы в Цусимском сражении или недавние рекомендации видного политолога американскому флоту нанести ядерный удар по Севастополю, а президента России запереть в сумасшедший дом?

Во второй половине семидесятых годов я работал в отделе публицистики знаменитого тогда журнала «Юность» и помню, с какими тягостными мучениями двигались к публикации две феноменальные для советской действительности повести Юрия Полякова: «Сто дней до приказа» и «ЧП районного масштаба». Для тогдашнего СССР эти произведения были одновременно чем-то вроде глотка чистого воздуха и лакмусовой бумажки. Это было освежающее прикосновение к самым заскорузлым и болезненным язвам нашей жизни. В них ставились гораздо более серьёзные и судьбоносные, нежели в произведениях Василия Аксёнова, Анатолия Гладилина, Анатолия Кузнецова, не говоря о Викторе Ерофееве, Евгении Попове или Сергее Довлатове, вопросы, причём не местного (для прячущей в кармане фигу интеллигенции), а поистине общенационального значения. Я помню, как цензура, армейское начальство и редакция выкручивали руки писателю, требуя смягчений и переработок, пугая его переходом в статус «непубликуемого». Но он всё это выдержал, не пошёл на уступки, хотя это и затянуло публикацию крайне нужных в то время обществу произведений на годы.

Советская власть относилась к Юрию Полякову терпимо, но настороженно. О его противостоянии с армейскими, комсомольскими, главлитовскими и прочими ревнителями социалистической непорочности истории литературы могут сочинять монографии и защищать диссертации. При этом сам он никогда не выставлял себя жертвой режима и страдальцем за

истину, хотя вытерпел от власти в те годы куда больше, нежели многие «свечечки» свободы и демократии, публично сжигавшие и разрывавшие зубами свои партбилеты.

Личность и творчество Полякова невозможно понять и правильно оценить без глубокого осмысления двух ключевых для него понятий: искренность и компромисс. Писатель всегда искренен в своём неприятии «свинцовых мерзостей» действительности, но при этом допускает возможность компромисса, если видит эволюцию власти в направлении здравого смысла, постепенного очеловечивания самой власти. Здесь уместно вспомнить знаменитый афоризм близкого по духу Юрию Полякову французского философа Жозефа де Местра: «Злоупотребления ведут к революциям, но любые злоупотребления несравненно лучше любых революций». Или строчку Иосифа Бродского: «Но воровки мне милей, чем кровопийцы». Это воистину печальный выбор. Однако краденое имущество в редких случаях можно вернуть. Отнятую жизнь – никогда. Не заблуждаясь относительно природы человека, настоящий писатель всегда выбирает меньшее из зол.

Поляков вполне мог бы конвертировать свою (подтверждённую!) репутацию «борца с режимом» в премиальные и прочие блага ельцинской эпохи. Однако вместо этого он ошарашил общественность двумя беспощадными по отношению к творческой и политически активной (её ещё иногда называют «демшизой») интеллигенции произведениями – романом «Козлёнок в молоке» и повестью «Демгородок».

Такого сеанса разоблачения литературной и политической «магии» Юрию Полякову простить никак не могли. Потому что он снова преступил все грани интеллигентных «приличий», а именно показал народу, что властители дум, не важно, патриотических или либеральных взглядов, обладают одним, опять-таки сущностным, сходством: они организованы и действуют по принципу сплочённой замкнутой секты. Особенно когда речь идёт о материальной реализации патриотических или либеральных взглядов посредством распределения между «физическими лицами» различных благ: имущества творческих организаций, дачных участков, литературных премий, беспрепятственного доступа к государственному «корыту».

Ошеломляющий успех у читателей и – одиночество писателя на творческом Олимпе. Либеральная интеллигенция вынесла Полякову вердикт в духе хрестоматийного: «В общем, ты виновен, ибо я говорю, что ты виновен». Поляков – уникальная фигура в современной российской литературе. Писатель-одиночка, любимый народом, но холодно отстраняемый как патриотическим, так и либеральным «крыльями» творческой интеллигенции.

При этом нельзя говорить о том, что, блистательно анализируя родовые, психологические и прочие травмы и комплексы образованного сословия, писатель идеализирует русский народ. Нет, в романах «Замыслил я побег...», «Грибной царь», в повести «Небо падших», в своих пьесах он откровенно показывает его недостатки: вороватость, социальную и политическую пассивность, нелюбовь к труду, приверженность принципу «од-нова живём!», прочие нехорошие национальные особенности. Но, детально исследуя противоречивое метафизическое сосуществование интеллигенции и народа, писатель однозначно отдаёт свои симпатии представителям простого народа. Да, народ вынужден, хитря, выгадывая, обманывая и приворачивая, выживать при любой власти. Особенно если власть не оставляет ему иных вариантов. Но любая власть всецело и исключительно существует за счёт народа. Их дворцы, яхты, футбольные клубы и морозно-вентилируемые шубохранилища означают отсутствие у народа детских садов, поликлиник, санаториев, бесплатного образования, достаточных для существования пенсий и далее по списку. Эта мысль, как пепел Клааса, бьётся в каждом произведении Юрия Полякова.

Чем яснее начинает осознавать необходимость изменений во внутренней политике власть, тем чаще мы видим на экранах телевизора, а то и рядом с первым лицом государства этого писателя. Но их близость пока что ситуационна. Поляков, несмотря на всю свою публич-

ную сдержанность, спокойствие и достоинство, неизменно на шаг впереди власти. А потому полного доверия ему нет. Есть презиращающие власть, но милые её сердцу либеральные литераторы. Есть презиращаемые властью, но вынужденно и почти всегда безответно взывающие к ней писатели-патриоты. И – представляющий исключительно самого себя Юрий Поляков. Он для власти всего лишь полезный «попутчик». Останься у власти Медведев, Поляков мгновенно исчез бы с телевизионных экранов. Если некоторые патриоты, как, скажем, Никита Михалков, социально, да пожалуй что и духовно, близки власти, про Полякова этого сказать никак нельзя. Например, у него никогда не было ни малейшего обольщения Западом как «землёй обетованной» и неким моральным (демократическим) абсолютом. В его произведениях нет положительных героев из числа «новых русских». Едва ли кто злее и откровеннее описывал уродства русского капитализма, обнажал внутреннюю сущность представителей нынешней элиты.

Хочется верить, что воссоединение с Крымом положило конец политике предательства национальных интересов. Но ужасает глубина нерешённых и нерешаемых социальных конфликтов, ублюдочная культурная политика, ежегодный рост количества миллиардеров (сейчас их в России, кажется, 112), размах воровства и коррупции в среде «государевых людей». Чего стоят одни заграничные имения бывших и действующих губернаторов и членов правительства, о которых, правда, мы узнаём только когда губернатор успевает покинуть свой пост или когда ему там бьют по морде грабители. Крымская операция Путина приблизила его к народу, но резко отдалила от либеральной интеллигенции. Мне кажется, Путин во власти сегодня так же одинок, как Юрий Поляков в литературе. Но если настоящий писатель по большому счёту всегда одинок, глава государства никак не может себе этого позволить. Полковнику, несмотря на бурные славословия, уже сейчас почти никто не пишет. Чтобы пересчитать его искренних, а не конъюнктурных сторонников во властном истеблишменте, хватит пальцев на одной руке. Не сомневаюсь, что Путин знает истинную цену как якобы не боящимся санкций своим соратникам, так и либеральной и патриотической интеллигенции. Они – опора ненадёжная и ускользающая. Значит, пришла пора опереться на одиноких, самодостаточных и решительных. Тех, кто пока в стороне. Пусть они молчат. Но они любят свою страну и умеют работать. Даже самая воровская и антинациональная власть не может обойтись без государственников, тех, кто хочет делать дело и не хочет воровать. Внутренняя политика в России должна сделаться столь же решительной и нацеленной на справедливость, как внешняя. Если такое произойдёт, это станет вторым после Крыма чудом, свидетельством снизошедшего на власть божественного прояснения.

Опять хочу процитировать де Местра: «Человек, предоставленный самому себе, слишком порочен, чтобы быть свободным». Эта мысль – главный нерв практически всех произведений Юрия Полякова. Писатель, вослед де Местру и Исайе Берлину, на примере своих героев исследует внутреннюю логику развития двух разновидностей свободы – негативной и позитивной. И что очень важно, в этом ему помогает богатый жизненный опыт человека (условно) тоталитарного СССР и – (условно) демократической и рыночной современной России. Негативная свобода, насильственно объединяя народ во имя провозглашённых идей, «зажимает» отдельно взятую личность в определённых рамках. В то же самое время она позволяет развивать в интересах общества (совокупности личностей) социальные государственные институты: образование, науку, здравоохранение, спорт, дворцы пионеров, культуру, космические и биосферные (вроде переброски сибирских рек в Среднюю Азию) мегапроекты. В условиях негативной свободы изначальное несовершенство человеческой природы (теоретически) реализуется в таких страшных вещах, как тоталитаризм и его худшее проявление – фашизм, стремлении к ложным и изначальным недостижимым (как, к примеру, построение коммунизма к 1980 году) целям. Общество негативной (тоталитарной) свободы, таким образом, исторически обречено.

Особенно в условиях информационной войны, когда неизменно проигрывает тот, кто говорит правду. Советская пропаганда не говорила правду о своих социальных достижениях, равных для всех граждан возможностях самореализации, но лгала о пролетарском интернационализме и неизбежной победе коммунизма.

Юрий Поляков мастерски и с большой болью исследовал жизнь человека в обществе негативной свободы, выявляя точки «неприемлемого ущерба» для жизнеспособной, в общем-то, позволяющей относительно неплохо существовать подавляющему большинству народа системы. Его герои своими судьбами показывали, что и как необходимо изменить в государстве, чтобы избежать краха, избежать той самой революции, которая, как утверждал де Местр, всегда хуже любых злоупотреблений. Сегодня мы видим такую революцию на Украине. В драматических обстоятельствах выбора между конфликтующими целями герои Юрия Полякова всегда остаются людьми. Они, как главный герой романа «Грибной царь», делают выбор в ущерб себе, но во благо ближних, тем самым подтверждая божественный принцип непотерянности любого человека для добра, милосердия и некоей высшей справедливости. То есть всего того, что зачтётся на ожидающем каждого Страшном суде. В то же самое время талант писателя не позволяет Полякову отклониться от мысли, что традиционные человеческие ценности – свободу личности, социальную справедливость, равенство граждан перед законом – невозможно гармонизировать в пределах одной системы принципов, в данном случае социально-тоталитарного СССР. И Юрий Поляков вослед классикам русской литературы решает вечный конфликт между личностью и несовершенством любой общественной системы посредством самоопределения личности в условиях неизбежного выбора между добром и злом, а также неизбежных при этом утрат.

Однако не менее тупиковым и, в сущности, ставящим перед человеком те же проблемы оказывается и общество позитивной свободы, то есть бескрайней и безбрежной свободы личности в ущерб любым ограничениям со стороны государства. Здесь деградация идёт ещё более ускоренными темпами, что мы сегодня наблюдаем в виде разгорающейся борьбы за признание прав сексуальных меньшинств, бесполое воспитание детей, сознательного разрушения такой естественной формы человеческих отношений, как семья, оправдания скотоложства и педофилии, наступления на саму природу человека.

В последнем по времени «трёхкнижном» романе «Гипсовый трубач, или Конец фильма» Юрий Поляков проводит мысль, что некое относительное равновесие в мире негативной и позитивной свобод было возможно, пока существовали две конфликтующие общественные системы. Соревнуясь друг с другом, они давали возможность значительному числу людей существовать без превосходящего меру насилия над своей природой и представлениями о достоинстве и справедливости.

Современная Россия испытала на себе полномасштабное воздействие как негативной, так и позитивной свободы. Оба эти пути оказались тупиковыми.

В конце двадцатых годов в СССР была очень популярна пьеса Сергея Третьякова под названием «Рычи, Китай!». Там речь шла о том, как страна-великан, угнетаемая и попираемая колонизаторами, поднялась на борьбу, чтобы навсегда сбросить цепи рабства. В 1924 году случился знаменитый ваньсяньский инцидент, когда капитан английской канонерки, наведя орудия на уездный город Ваньсянь, выступил в роли судьи, расследующего конфликт на бытовой, как сказали бы сейчас, почве между портовыми рабочими и сотрудником английской фирмы.

Сегодня России предстоит решать примерно те же проблемы, что некогда одурманенному опиумом Китаю, хотя, конечно, наше положение, благодаря ещё имеющемуся у нас ядерному оружию, всё же лучше, чем у тогдашнего Китая. Но отношение к России со стороны Запада примерно такое же. Тут ни убавить, ни прибавить.

В последнее время президент Путин и некоторые другие люди во власти заговорили о том, что Россия – это некая отдельная цивилизация, у неё свой (третий?) путь, своя миссия, своё (уникальное?) место в мире.

Приблизившийся к своему шестидесятилетию Юрий Поляков – русский писатель, драматург, поэт, публицист, общественный деятель, главный редактор «Литературной газеты» – давно предвидел этот путь. За внешне спокойной, философичной, полной остроумных и глубоких афоризмов, образной и сюжетной прозой этого автора звучит тот самый рык (кстати, герой повести «Демгородок» так и зовётся – адмирал Рык), который поначалу задавленно и едва слышно, но в последнее время всё отчётливее издаёт Россия. Что поделаешь, истинная литература – всегда предвидение и пророчество, неважно, в какой жанровой или сюжетной «упаковке».

Китаю для обретения себя потребовалось почти сто лет.

Хочется верить, что Россия обретёт себя быстрее и без тех страшных потрясений, которые терзали её весь прошлый век. Именно к этому призывает своим творчеством и всей своей общественной деятельностью один из самых популярных и любимых народом писателей Юрий Поляков.

2014 г.

Владимир Ерёменко

Мягкая сила

Мы с Юрием Поляковым одного года рождения и знаем друг друга больше половины прожитой жизни. Вокруг его имени всё время идёт общественное бурление. Известного писателя, яркого публициста стараются затащить то в один, то в другой политический лагерь. Им пытаются руководить и использовать в своих интересах разношёрстные пассионарии, поднявшиеся на обломках советских общественных организаций и творческих союзов. Но Поляков, никому не отказывая впрямую, спокойно отдалялся от навязчивых псевдореволюционеров и упрямо гнул свою линию.

Это его мягкое, но уверенное сопротивление вызывало злобное раздражение у людей, наивно записавших его в свой лагерь и уже подсчитавших дивиденды от использования его имени. Патриоты обвиняли его в гнилом либерализме, либералы клеймили за патриотизм. Но было очевидно, что в основе этих оскорблений лежит неистребимое поляковское нежелание ходить строем и элементарная бытовая зависть бездарей к таланту.

Сегодня мы часто видим Полякова на экране телевизора, читаем его острые публицистические статьи, и каждое его слово проникнуто заботой о благосостоянии народа, об охране великой русской культуры, о могуществе и справедливом устройстве нашего государства.

Могу с уверенностью сказать, что взгляды зрелого Юрия Михайловича Полякова мало чем отличаются от воззрений молодого Юры Полякова. Воспитанный в простой народной среде, терпевший вместе с родителями нужду и скудный быт советских рабочих общежитий, он, в отличие от избалованной нашей интеллигенции, прекрасно знает цену заработанному собственным трудом хлебу и цену лживым посулам, заманивающим народ в ярмо псевдодемократических свобод.

Но сегодня мне не хочется сотрясать воздух патетическими фразами. Лучше я вспомню несколько эпизодов из наших встреч, путешествий, долгих бесед и забавных приключений, в которых Юрий Поляков предстаёт в не совсем привычном для читателей и коллег виде.

Штурм Шипки

В начале восьмидесятых годов прошлого века группа молодых советских писателей была направлена в Болгарию для знакомства с братской литературой и её молодыми представителями. Среди трёх десятков отечественных литераторов были и мы с Поляковым. Недельку откупались в Чёрном море под Варной и должны были ехать в Софию, где нас ждала официальная часть турне. В последний день на море хозяева устроили дискотеку, на которой мы отплясывали до полуночи. Наконец веселье завершилось, и мы с Юрой, разгорячённые, отправились в автобус, который нас должен был доставить в отель.

В автобусе назревал скандал. Большая часть группы требовала, чтобы завтра с утра мы, нигде не останавливаясь, ехали в Софию, дабы успеть к открытию магазинов. Болгарка, сопровождающая нас, растерянно тыкала пальцем в программу:

– По плану мы должны заехать на Шипку и почтить память героев, отдавших жизни за свободу Болгарии.

– Тогда у нас останется мало времени на покупки, – парировали приверженцы торговли.

В то время выбор в советских магазинах был значительно скуднее, чем в болгарских, и понять людей, впервые попавших за границу и мечтавших приодеть себя и близких, конечно, было можно. Но не всё измеряется вещами.

Святослав Рыбас и Сергей Лыкошин пытались это объяснить нашим товарищам, но те и слушать не хотели. Мы с Поляковым тут же встали на сторону друзей, требовавших посещения святыни. Скандал вспыхнул с новой силой. После яростного спора был найден компромисс. Выезжаем в четыре утра, по дороге заворачиваем на Шипку, и далее вожденные софийские магазины. Спать оставалось два часа.

В полной темноте мы подъехали к знаменитой горе, которую штурмовали наши предки. Большая часть компании осталась досыпать в автобусе, а мы приступили к восхождению.

Поднимались в кромешной темноте. Тяжёлое дыхание и шорох шагов тревожили тишину. Время повернулось вспять. Каждый был наедине с собой и своими мыслями. Подъём закончился, и стало понятно, что мы на вершине. Еле заметно забрезжил рассвет. В туманных сумерках подрагивали фигуры поднявшихся. Нас было не больше десятка. Постепенно темнота уходила, и мы молча, как старинное кино, наблюдали открывавшийся до самого подножья великий холм, свидетель подвига наших предков.

Из тумана проглянули золотые купола храма Рождества Христова, который в честь победы русского оружия построили матушка генерала Михаила Скобелева Ольга Николаевна и граф Николай Игнатьев. Рядом с храмом белела крыша автобуса, где спали наши товарищи.

Когда мы спустились к подножью, то к нам подошёл старичок болгарин – сторож при храме. Он был удивлён таким ранним визитом. До открытия храма оставалось больше часа. Внимательно оглядев нас, он махнул рукой и разрешил пройти в церковь.

Надо сказать, что почти все мы вышли из комсомола, а многие были уже членами Коммунистической партии, но это не мешало нам посещать храмы, правда, старались это не афишировать и прикрываться любовью к древнему искусству и архитектуре. Помню даже, как Сергей Лыкошин учил нас в трудные моменты споров с идеологическим начальством креститься незаметно в кармане.

Молча разобрались по церкви. Мы с Юрой спустились в нижний придел. Здесь на белых мраморных плитах увидели золотом писанные звания и фамилии офицеров и безымянное число нижних чинов, погибших на Шипке.

Поляков тихо позвал меня к одной из плит.

– Посмотри!

На табличке было выбито: «Поручик Лыкошин и 14 нижних чинов».

Мы позвали Сергея. Он долго стоял перед мемориальной плитой, а затем объяснил:

– Это брат моего прадеда. Мы думали, погиб под Плевной, а оказывается, здесь. Вернусь, расскажу отцу.

Эта близкая, телесная сопричастность к истории, к великому подвигу отцов потрясла нас. Никакие силы не могли провести Сергея мимо могилы его героического родственника. Цепь нелепых случайностей выстроилась в неумолимую закономерность.

Вечером руководство Болгарии устроило приём в честь советских молодых писателей. Мы знакомились с нашими сверстниками – литераторами Болгарии. Звучали приветственные речи. И вдруг мы услышали:

– Мы благодарим вас за то, что нашли время посетить великую святыню Болгарии.

От стыда мы опустили глаза. Не было сомнений, что сопровождавшая нас болгарка сказала своему руководству, какое сражение приключилось в нашей высокоинтеллектуальной группе вокруг посещения Шипки.

Сегодня, вспоминая тех, кто в кромешной тьме поднялся на вершину, я с удивлением отмечаю, что их имена сегодня на слуху у наших читателей, а имена тех, кто остался у подножья, бесследно канули в лету.

Очевидно, что для того, чтобы оставить след в литературе, одного умения складывать слова мало.

Хирург по наитию

Честно говоря, я собирался упустить этот эпизод из повествования о Полякове, как-то он не ложится в юбилейную тематику, но неожиданно Юрий сам вспомнил о том случае, причём в большой и солидной компании. Глядя на меня, он сказал:

– Однажды ты спас мне жизнь.

Юра заинтриговал окружающих, и ему пришлось рассказать о происшествии. Я же когда-то давно записал эту историю и теперь просто повторяю её.

Это случилось во время того же путешествия по Болгарии. Мы ехали из Софии в Пловдив. Дорога неблизкая, и нам выдали по пакету с сухим пайком.

Через несколько часов пути мой сосед, тогда ещё не такой известный писатель, Юрий Поляков проголодался. Он раскрыл пакет, придирчиво осмотрел припасы и споро облупил варёное яичко. Покрутил его перед носом, затем скромно приоткрыл рот, чтобы сделать интеллигентный надкус, но тут автобус подбросило на колдобине, и рука вогнала яйцо в разверзшуюся от толчка пасть, словно снаряд в орудийный ствол. Я было захохотал, веселясь от комичности произошедшего. Но Поляков начал судорожно махать руками, жестами показывая, что не может избавиться от ставшей враспор затычки. Через несколько секунд лицо его побагровело, в зрачках заметался ужас. Веселье моё улетучилось. Понимая, что жизнь друга на волоске, я принялся дубасить его по спине, надеясь вышибить злополучное яйцо, но оно оказалось много крупнее гортани, и его заклинило намертво. Лицо Юры стало синеть, глаза вылезали из орбит. Не зная, что ещё предпринять, я толкнул сидевшего впереди прозаика Святослава Рыбаса.

– Юра подавился! – с отчаянием в голосе прокричал я.

Рыбас повернул голову, глянул в фиолетовое лицо Полякова, затем сунул руку в карман и достал испанскую наваху, с которой никогда не расставался. Раскрыв нож, он протянул его мне и спокойным, не терпящим возражения тоном произнёс:

– Полосни его по горлу.

От вида сверкающего лезвия глаза лишённого возможности говорить и дышать Полякова, казалось, готовы были лопнуть. Устрашась перспективы быть зарезанным, тело его пронизала страшная судорога. Волна прошла от самых пяток и, словно бичом, хлестнула в голову. Яйцо выбило, и оно, просвистев над макушками молодых писателей, вдребезги разбилось о лобовое стекло и запорошило ошмётками водителя, сосредоточенно ведущего по горной дороге машину.

Поляков в изнеможении откинулся на сиденье, лицо его стало розоветь, из глаз текли слёзы счастья.

Много позже я рассказал этот весёленький случай своему родственнику, известному хирургу. Тот совершенно серьёзно выслушал и без улыбки прокомментировал:

– Решение совершенно правильное. В таких случаях надо делать трахеотомию, разрезать горло, иначе человек задохнётся.

Кстати, эту историю Поляков напомнил в присутствии владельца навахи Святослава Рыбаса, сегодня известного писателя, автора фундаментальных исторических трудов и, как теперь говорят, видного общественного деятеля. Глядя, как Рыбас залиvisto хохочет, вспоминая нашу задорную молодость, меня так и подмывало спросить:

– Слава, а не носишь ли ты и сегодня боевую наваху?

Контрабанда

Наша малочисленная группа уже выходила из храма Рождества Христова на Шипке, как в собор вошла женщина и открыла церковную лавку. Первый к прилавку, как наиболее воцер-

ковлённый из нас, подошёл Сергей Лыкошин, по-хозяйски оглядел витрину и не спеша выбрал несколько крестиков и небольших пластмассовых иконок.

– Подарю кому-нибудь, – объяснил он.

Мы последовали его примеру.

Когда вернулись в автобус, то большая часть группы продолжала дремать, а проснувшись попеняли на нашу медлительность.

Через пару дней мы уже покидали Болгарию. В вагон зашли советские пограничники и таможенники. Прозвучал дежурный вопрос:

– Контрабанда, оружие, наркотики, предметы культа есть?

И надо же, в первом купе нашей группы вместо твёрдого «нет» застенчивый девичий голос пропел:

– У меня есть иконки.

Несколько удивлённый таможенник приказал:

– Показывайте.

– Ой, у меня где-то в вещах, я сразу не найду.

– Сами покажете, или будем обыскивать?

Через пару минут таможенник объявил:

– Предметы культа изымаем, по происшествию составим протокол. Ещё кто везёт предметы культа?

И вдруг Юрий Гейко – лихой рубаха-парень, от кого мы никак не ожидали робости, потупив очи, сознался:

– Я тоже везу иконки.

Сегодня Юрий Гейко один из самых известных среди автолюбителей журналист.

Началась паника, цепная реакция. Усугубляло положение то, что наша группа ехала по путёвке Центрального Комитета комсомола. Возглавлял её наш друг, заведующий отделом культуры Михаил Кизилов. Ныне он главный редактор журнала «Смена».

Миша стоит в коридоре вагона бледный и понимает, что заведующим отдела ЦК он уже не будет.

В следующем купе расположились мы с Поляковым, Лыкошин и Рыбас. Зашёл таможенник с пластмассовыми иконками в руке и, задумчиво оглядывая нас, произнёс заученную фразу про контрабанду.

Мы вчетвером, не стовариваясь, чтобы слышали все наши товарищи в вагоне, громко выпалили:

– Мы члены партии и контрабанду не везём.

Таможенник одобрительно кивнул и двинулся дальше. Проверка пошла как по накатанному.

Но составленный протокол дамокловым мечом завис над нашими коллегами и судьбой Кизилова.

На столике нашего купе стояла внушительная корзина с болгарскими деликатесами и вином, закупленными нами на последние деньги. Мы тяжело вздохнули. Впереди сутки пути. Кизилов всё понял, взял корзину и удалился.

Вернулся он минут через десять с пустыми руками, но весёлый:

– Протокол при мне разорвали.

Сейчас трудно представить, что дешёвенькие иконки могли сломать жизнь человеку. Так было, но не надо и демонизировать прошлое. Люди всё понимали и легко обходили тупые запреты.

Сегодня, оглядываясь на прошлое и вспоминая наши страстные споры, я с абсолютной ясностью вижу истоки убеждений Полякова. Мне понятно, почему возглавляемая им «Литературная газета» является сегодня самым ярким сподвижником русской культуры, истинным

поборником великих исторических свершений российского государства, защитником нравственных и религиозных традиций нашего народа. Ныне читатели это воспринимают как естественную позицию газеты.

Когда же Поляков только стал главным редактором, то более одностороннее издание в нашей культуре трудно было найти. На страницах приветствовалась только прозападная либерально-демократическая позиция. Когда Поляков просил сотрудников взглянуть на литературный процесс шире и публиковать, хотя бы для объективности, высказывания Юрия Бондарева, Валентина Распутина, Василия Белова и других почвенников, то на него смотрели как на предателя и считали дни до его отставки.

Ничего, стерпелись. Некоторые ушли, их место заняли единомышленники. Поэтому не случайно те, кто разделял взгляды Полякова в молодости, и сейчас печатаются на страницах газеты. Среди них и Святослав Рыбас, иногда и мне удаётся выступить в газете. Доживи до наших дней, думаю, и Сергей Лыкошин печатал бы свои охранительные статьи в «Литературной газете».

В Болгарии мы познакомились с нашим сверстником, замечательным писателем Николой Петевым. Особенно крепко с ним сдружился Сергей Лыкошин.

Не так давно раздался телефонный звонок, и я услышал голос Полякова:

– Передаю трубочку.

Я услышал родной голос Николы. Друзья сидели в московском ресторане, вспоминали былое и планировали, как будут развиваться дальше болгаро-российские литературные связи.

Положив трубку, я подумал о том, сколько сил интриганы в Союзе писателей потратили на то, чтобы рассорить Полякова и Лыкошина, и всё напрасно. Дело, о котором радел Сергей, с лёгкостью продолжает Юрий.

Сегодня уже нет с нами и Николы Петева. Светлая ему память.

Мистические совпадения

В жизни моей семьи и семьи Юрия Полякова есть любопытные совпадения. Мы с Юрой знаем друг друга очень давно, а вот наши жёны познакомились только лет десять назад, когда мы стали близкими соседями. А могли бы встретиться ещё в начале восьмидесятых годов, когда, совершенно случайно, одновременно выходили наши с Юрой книги в издательстве «Современник». Обе супруги пришли в редакцию забирать вёрстки книг своих мужей. Причём разминулись на десять минут. Об этом нам рассказал заведующий отделом Олег Финько.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.